

КУРЬЕРЪ

За разсылку приложений по 5
ст. тысяч.
За перемѣну адреса городского
на иногородній—30 коп.
Статьи и корреспонденции, при-
сланные для помѣщенія въ газетѣ
должны быть за подписью и съ ад-
ресомъ автора, безъ чего они печат-
аться не будутъ. Въ случаѣ надоб-
ности, редакторъ исправляетъ и со-
кращаетъ статьи. Рукописи, при-
сланные редакціей неудобными къ
печатанію, не возвращаются.
Статьи безъ обозначенія условій
считаются бесплатными.
Редакция открыта для объясненій
субscribers, кромѣ праздниковъ отъ
—3 час. дня. Контора открыта съ 8
час. утра до 8 час. вечера, по празд-
ничнымъ днямъ—съ 9 час. утра до
1 часу дня.

Подписка цѣна съ доставкой и
пересылкой на годъ—4 р., на 6 мѣс.
—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1
мѣс.—75 коп.
Всѣмъ годичнымъ подписчикамъ
допускается разсрочка платежа при
подп. 2 р. 1 Мар. 2 р. и 1 Июн. 3 р.
Подписка отъ иногороднихъ при-
нимается только съ 1-го числа каж-
даго мѣсяца; подписка отъ город-
скихъ подписчиковъ принимается съ
1 и 15 числа каждаго мѣсяца.
Объявленія принимаются на такія:
для иногороднихъ впереди текста за
строку пята—20 коп., послѣ тек-
ста—по 12 к. за строку.
Для городскихъ: впереди текста
за строку пята—15 коп., послѣ
текста по 10 коп. за строку.
Личная афиша труда платитъ за каж-
дое объявленіе позади текста въ 6
строкъ по 20 коп. за каждый разъ.

Политическая, литературная и общественно-экономическая газета.

ь изданія третій.

Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ
Адресъ конторы и редакціи: Екатеринодаръ, Красная ул., № 61, Типографія „ОСНОВА“, телефонъ № 482.

Цѣна отдѣльнаго №—5 к.

Изъ анекдотовъ о Чеховѣ.

Арбузь.

Анекдоты о Чеховѣ можно собрать цѣлые тома.

Чеховъ любилъ шутить.

Бдуть по Тверской съ Г—склѣмъ на лихачѣ. Настроение у Антона Павловича было чудесное. Ни съ того ни съ сего купили громадный арбузь. На углу Леонтьевского онъ велѣлъ извознику подъѣхать къ городовому.

— Подержи-ка, любезный! — протянулъ онъ арбузь городовому.

Тотъ, недоумѣвая, ваялъ.

— Извозчикъ, погоняй!

Лихачъ понесъ; А Чеховъ городовому кричитъ:

— Это бомба!

Городовой, боясь бросить арбузь и боясь двинуться съ нимъ, стоялъ остобенѣвъ. И вѣроятно, долго простоялъ, пока пріятель не скрылся изъ виду.

„Московскія Вѣдомости“.

Въ „Прагѣ“ онъ спрашиваетъ официанта.

— Служи-ка, любезный, гдѣ у васъ „Московскія Вѣдомости“.

Тотъ, было, сдѣлалъ шагъ, чтобы достать съ сосѣдняго стола газету Грингмута.

А Чеховъ ему:

— Эхъ, ты какой братецъ недогадливый.. Я у тебя не про это спрашиваю.. Ну, ежели, деликатнаго обхожденія не понимаешь, то спрошу прямо „гдѣ у васъ тутъ уборная“.

Остановить въ Петровскомъ паркѣ какого-нибудь пріятеля, своего, наиримѣрь Сергѣенку, и кричать:

— А... Здравствуй, Грингмутъ! Какъ поживаешь?..

Начинаетъ громко вести черносопный разговоръ. Сергѣенко конфуется. Публика собирается, на лже-Грингмута пальцемъ показывается. А Чеховъ доводитъ кистификацией.

Последнее произведеніе.

Въ художественномъ театрѣ „Винновскій садъ“ — на сценѣ Чеховъ — въ роли. Въ антрактѣ вышелъ изъ коридора, и подошелъ къ кому. Онъ улыбнулся ласково и ласково подавъ руку.

— Опять интимно-эротиче бу-детъ?..

— Непремѣнно.

Тогда газеты были полны добротами о томъ, что надумалъ написать Чеховъ, что не надумывалъ, какъ называется его будущее произведеніе и каково его содержаніе. Особенно горячійми насчетъ названія. Однѣ газеты называли такъ. Другія — иначе.

— Скажите, Антонъ Павловичъ, какъ называется ваше послѣднее произведеніе?

Чеховъ улыбнулся какою-то снисхо-дливой, виновато-сирочно-проникновен-

улыбкою:

— Мое послѣднее произведеніе называется... Кхе!.. кхе.. кхе!..

Онъ закашлялся. И ждалъ, что вотъ-вотъ онъ откашляется и скажетъ названіе. А онъ пересталъ кашлять и замолчалъ. И опять улыбнулся.

— Ну? Какъ же названіе?

— Да вы рави не слышали?

— Да... не разслышала. Вы закашлялись?..

— Названіе моего послѣдняго произведенія... кхе!.. кхе!.. кхе!..

И онъ опять мучительно закашлялся. Такъ мучительно, что мнѣ самому было тяжело и больно на него смотрѣть. И было неловко, виновато ждать.

— Кхе!.. Кхе!.. кхе!..

Онъ кончилъ. Глаза все такъ же мило и тихо улыбались.

— Вы ждете?

— Простите, жду...

— Вотъ это и есть мое послѣднее произведеніе, — чахотка.

Его глаза все улыбались, когда онъ произнесъ эту роковую шутку. Свѣтились уютною, свѣтлою, Чеховскою улыбкою... И въ этой шуткѣ сказался весь Чеховъ.

Марья Павловна и сцена.

Ряди шутки А. П. не жалѣлъ даже своихъ горячо любимыхъ родныхъ. Однажды его сестра Марія Павловна сказала:

— Константинъ Сергѣевичъ нашелъ у меня спеническое дарованіе. Мнѣ тоже хочется попробовать силы. Какъ ты думаешь: могу я идти на сцену?

А. П. долго и сосредоточенно думалъ, какъ бы всесторонне взвѣсившая отвѣтъ, и затѣмъ ня говоря ни слова вышелъ въ другую комнату. Собесѣдники притихли. Черезъ нѣкоторое время изъ сосѣдней комнаты раздается спокойный голосъ Антона Павловича.

— Маша! когда поступишь на сцену, не забудь захватить съ собою и мамашу.

Конечно, о сценѣ пришлось забыть послѣ такого отвѣта.

Лѣсъ.

Встрѣтился съ А. П. Алексѣевой, нынѣшней попечительницей первой Чеховской школы. Эту школу въ селѣ Таложѣ недалеко отъ своего имѣнія Мелихова — основалъ самъ Антонъ Павловичъ.

— Видѣ для насъ А. П. Чеховъ гласный земства серпуховскаго уѣзда, помѣщикъ и докторъ.

Чеховъ оказалъ крестьянамъ:

— Я вамъ дамъ изъ своего имѣнія лѣсъ, сколько для школы потребуется. А вы уже сами свезите.

— Свеземъ, отвѣтили мужики.

Но время шло, а крестьяне и не думали везти.

Чеховъ многократно изъ города писалъ старостѣ:

— Пусть крестьяне свезутъ.

Наконецъ, получилъ отъ старосты отвѣтъ.

— Свезли.

Но только свезли не на мѣсто стройки будущей школы. А къ себѣ по дворамъ.

Пришлось Антону Павловичу еще жертвовать. Послѣ Таложской школы А. П. устроилъ школу и у себя въ Мелиховѣ.

«У Р.»